

П.К. ГРЕЧКО

ДИСПОЗИЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Предметное и методологическое самоопределение социальной теории – занятие, на первый взгляд, рутинное. Да, прежде чем что-то и как-то изучать, надо это «что-то» и это «как-то» выделить, очертить, вписать в уже существующую сетку совокупного интеллектуального труда общества. Но дело в том, что в случае социальной теории предметность и методологичность изначально проблемны – выделением и очерчиванием тут явно не обойтись. В данном плане социальная теория, говоря словами Ортега-и-Гассета – правда, по поводу философии, «берется за то, что само по себе неизвестно» и работает с этой проблемной неизвестностью тоже «открытым» (инструментально не устоявшимся) образом.

Мы сопрягаем предметность и методологичность отнюдь не фоновлогически, не потому, следовательно, что они по звуку ложатся, окончаниями («ность») совпадают, а содержательно и по существу – поскольку «что» и «как» здесь нераздельны, и еще неизвестно, чего на выходе, в сухом остатке больше. Скорее всего, «как», ведь даже первоначальное знакомство (некое общее видение) с предметом исследования не может обойтись без этой как-призмы. Сказанное объясняет актуальность нашего обращения к методологическому измерению социальной теории, придающему предметный статус ему самому, или, иначе, превращающему методологичность в предметность. Для всестороннего освещения этого превращения нам придется выходить за дисциплинарные рамки социальной теории (благо они не очень строгие) в социально-гуманитарное поле исследования как таковое.

Методологическое «как» внутренне дифференцировано на различные виды или формы. Их вообще-то очень много. Но если ограничиваться крупными формами, то можно остановиться на парадигмах, методах и подходах. Парадигма, справедливо маркируемая как куновская, – это модель постановки и решения занимающих научное сообщество проблем. Метод есть инструментально определенный способ теоретического исследования (и практического поведения, конечно, но мы здесь им не занимаемся). Что касается подхода, на который мы только и претендуем,

то это некая совокупность приемов и способов изучения какого-либо предмета, некое приближение (по-английски подход как раз *approach*): с точки зрения «места» — к самому предмету исследования, его глубинной сути; с точки зрения «действия» — к инструментальной определенности тех когнитивных средств, которыми мы пользуемся. Не будет неправильным назвать подход и некой общей точкой зрения на то, чем и как мы занимаемся в той или иной познавательной ситуации.

В методологическом багаже социально-гуманитарных исследований сегодня много интересных и перспективных «руководств к действию» (парадигм, методов, подходов). Какой-то единой систематизации у них, однако, нет, и это понятно: они не просто многообразные, а конфронтационно разные. Приходится поэтому банально перечислять: структурный функционализм, символический интеракционизм, социальная конфликтология, этнометодология, «социальный обмен», «драматургический анализ», «коммуникативное действие» и т.д., список можно продолжать. Но если набор, а значит и выбор такой богатый, то встает вполне резонный вопрос: а что еще нужно? чего не хватает? Выбирай любые методологические координаты и работай или, поскольку список не закрыт, добавляй в общую копилку свой, еще один подход — никто ведь не запрещает. Риторичность данного вопрошания вполне здравая: ни одно из названных руководств не списано в архив истории, не закрыто из-за выработанности своего регулятивного потенциала, не вступила в какие-то непримиримые отношения с духом времени — напротив, некоторые предложения, как коммуникативное действие, например, этот дух как раз и выражают. В любой риторичности (наш случай — не исключение) всегда много инерционной имплицативности (продолжения или умножения сложившегося), и мало, если вообще есть, критической инновационности.

Для перехода к этой последней надо, по меньшей мере, объяснить, что нас все-таки не удовлетворяет — в наработанном материале, в имеющемся заделе, в предлагаемом наборе-выборе. Причина неудовлетворенности в ситуации поиска соответствия между предметной («что») и методологической («как») сторонами социальной теории в целом ясна — это, выражаясь предельно широко, неустранимый разрыв между объективным и субъективным, между материальным и идеальным в существующих картинах социального (общественно-человеческого континуума бытия). Очевидным образом данный разрыв проявляется в тех барьерах и препятствиях, на которые натывается стремление людей придать своим мыслям и действиям более согласованный и, как следствие, более продуктивный характер. Не обладая достаточно надежными инструментами анализа, социальная теория не справляется с задачей целостного

осмысления и прогностической ориентации жизни. Все «целостные» устремления в такой ситуации оказываются редукционистскими; и выбор небольшой: либо позитивизм с его установкой на строго объектное («вещное») рассмотрение социального, либо феноменологизм с его субъективно-смысловой автономией.

Верным, хотя только первым, шагом в направлении поиска таких инструментов является обращение к коммуникативной реальности или, иначе, переход на язык коммуникации в социально-теоретическом дискурсе. Переход этот сегодня можно считать целым методологическим поворотом в социально-гуманитарном познании, убедительно коррелирующим с современными информационными средствами и технологиями связи. Расшифровка месседжа этого нового коммуникационного медиума, по сути, только началась, но она обещает расширить наши когнитивные горизонты, открыть альтернативные линии и сюжеты анализа. Позитивно само по себе уже общее движение. Движение от социального действия к социальному взаимодействию, а от него к социальному отношению и, при добавлении взаимопонимания, коммуникации явно углубляет наше понимание человека и общества.

Поскольку все звенья данного движения подробно освещались нами в других статьях, то здесь позволим себе остановиться только на главном. Главным же в этом общем телеологическом движении к коммуникации является взаимопонимание. Без него коммуникацию нельзя считать успешной, вообще состоявшейся, совершенной, что в свою очередь делает невозможной трансформацию коммуникативного в собственно социальное. Без того или иного (по интенсивности, уровню, форме) взаимопонимания коммуниканты так бы и оставались непроницаемыми друг для друга монадами бытия. Вообще-то случаев такой непроницаемости в жизни немало. Но есть, доминируют в ней все же случаи противоположного характера — открытые, взаимозависимые, сопрягаемые, ожидаемые, словом, проницаемые. Доминируют, подчеркнем, не количеством или шириной охвата, а силой притяжения, глубиной проникновения и нормативного ориентирования. Функция, которую выполняет в мире социального коммуникативное взаимопонимание, напоминает чем-то «предустановленную гармонию» Лейбница. Важно только уточнить: «гармония» здесь не предустановленная, а постоянно, хотя и дискретно устанавливаемая — в процессе активного, и не одного лишь информационного, взаимодействия субъектов коммуникации.

Факт коммуникативного взаимопонимания — что оно есть, встречается, множится — не облегчает задачу социальных теоретиков. Ее проблемная формулировка, в духе Г. Зиммеля, остается неизменной: как воз-

можно взаимопонимание? А это значит, что нам предстоит аналитически собрать взаимопонимание (из неких исходных элементов), сделать факт практически состоявшийся фактом доказательным, теоретически состоятельным, органически вписать взаимопонимание в главный – коммуникативный («взаимодействующий») ресурс социального.

На этом пути нас опять соблазняет своей простотой редукция – теперь уже к самому взаимопониманию. «Вдохновляющие» примеры подобной редукции легко найти в этнометодологии (общество существует лишь постольку, поскольку оно воспринимается и интерпретируется его членами; общественная жизнь «сущностно рефлексивна»), а также в символическом интеракционизме (символы имеют отношение не к внутренней природе объектов или событий, а только к способам и процедурам их восприятия людьми). Оставаясь адекватным проблеме, нужно мыслить взаимопонимание в терминах не сведения, а выведения – и не из коммуникации как таковой, а из ситуации коммуникации, представляющей собой предельно (как можно более) полный набор всех так или иначе релевантных, работающих на коммуникации элементов. Какая-то часть этих элементов материальная, какая-то – идеальная. Взаимопонимание, что очевидно, концентрируется (актуализируется) на стороне идеальной. Но корнями своими оно уходит в почву вполне материальную. Связь материальной и идеальной сторон или аспектов ситуации коммуникации, на наш взгляд, лучше всего схватывается понятием диспозиционности, к раскрытию которого мы сейчас и переходим. Но прежде заметим, что дихотомия материальное/идеальное здесь во многом условна. Диспозиционная «материя» есть и в идеальном – это все его непроявленные, но реальные связи, скрытые зависимости, стихийно действующие механизмы, все то, что находится по ту сторону актуального и фиксируемого взаимодействия.

Диспозиция – образование очень сложное, многоаспектное, разноразное. Само слово «диспозиция» восходит к латинскому *dispositio*, означающему *расположение, распределение*. Оксфордский словарь английского языка закрепляет за этим словом такие значения, как «естественная тенденция», «наклонность», «темперамент человека», «приведение в порядок», «относительное (рас)положение частей», «приготовление, планы». Стоит обратить внимание на префикс *dis* (*dis*), служащий для фиксирования отделения, отрицания, придания противоположного смысла префиксируемому понятию (дисквалификация, дисгармония). Судя по пословице *Man proposes, God disposes* («Человек предполагает, а Бог располагает»), у префикса *dis* есть антипод *pro*, настраивающий на благоприятствование или поддержку, продвижение вперед и дальше (*pro-gress*). Выходит, всегда есть силы, превосходящие человеческие, и их так или

иначе «подправляющие» (расстраивающим или устраивающим образом — это уже по обстоятельствам). Наряду с префиксом *dis* диспозицию формально подтверждают также суффиксы *able* (*suitable* — годный, подходящий; *objectionable* — неприятный, неудобный) или *ible* (*possible* — возможный, вероятный; *legible* — четкий, разборчивый).

Из специализированных смыслов назовем юридические: диспозиция как структурная составляющая, наряду с гипотезой и санкцией, правовой нормы, включающая в себя права и обязанности участников правовых отношений; диспозитивная норма, содержащая подразумеваемые, вытекающие из «заведенного порядка» (сложившейся практики взаимоотношений) условия договора; диспозитивность как право действовать по своему усмотрению.

Уточняют и одновременно обобщают диспозицию логики, естественно, на свой лад — как диспозиционные предикаты. Под последними они обычно понимают предрасположенность вещи «реagirовать определенным образом в определенной ситуации», «проявлять определенные свойства при попадании в определенную среду». Диспозиционные предикаты, так определяемые, напоминают чем-то вторичные качества Локка. Как известно, в отличие от первичных качеств (таких, как плотность, протяженность, форма, количество и т.п.), которые являются свойствами самих вещей, «которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы оно ни было состоянии», вторичные качества (цвет, запах, вкус и т.п.) возникают только как результат встречи объекта с субъектом. В дальнейшем Беркли будет настаивать на том, что различие первичных и вторичных качеств несостоятельно, что «первичные качества надо искать там же, где и остальные, а именно в разуме». В данном вопросе Беркли был поддержан Юмом: вещь есть не что иное, как «связка или пучок» (*bundle of collection*) следующих друг за другом восприятий. Не будем вдаваться в детали проблематики, поднятой английскими мыслителями, но заметим, что, с точки зрения диспозиционности, ближе к истине скорее Беркли и Юм, чем Локк. Диспозиционность того или иного рода заключена, присутствует в любом предикате как доступном нам признаке предмета, вернее — в самой доступности этого признака.

Определенность условиями, или условность, диспозиционных предикатов дает логикам основание ставить вопрос о диспозиционности как «проблеме формального выражения сослагательных высказываний». В самом деле, диспозициональное предложение «*x* растворим» означает: «если бы предмет *x* был опущен в воду, то он бы растворился»¹. Впрочем,

¹ Лахути Д. Диспозиционный предикат // *Философская энциклопедия*. Т. 2. М., 1962. С. 20.

логической однозначности у диспозиционных предикатов нет. Их используют также для выражения причинных зависимостей и модальных (с оператором «необходимо») связей.

В философских исследованиях диспозиционности различают обычно «эмоциональные диспозиции (такие, как преданность какой-то личности или идее; предрассудки; предпочтения)» и «когнитивные диспозиции (такие, как склонность верить; предвидения; ожидания)». Выделяют также диспозициональные состояния (state), представляющие собой определенные душевные состояния, именно: настроения, желания, эмоции, наклонности, выражающиеся в определенного рода поведении – всегда, когда появляются соответствующие условия².

Итак, мы в целом очертили семантическое поле «диспозиции». Не все его секторы и фрагменты одинаково релевантны для нашего исследования. Но мы не будем заниматься здесь их ранжированием – из дальнейшего изложения все и так будет ясно.

Вернемся к самой общей нашей мысли – о диспозиционном аспекте всех предикатов-признаков предмета. Мысль эта не только предельно общая, но и, что более важно, очень глубокая. Она позволяет освободиться от другой и тоже общей, в смысле распространенной, мысли, что материя инертна, косна, и только и знает, что сопротивляться нашим усилиям, практическим и теоретическим. Диспозиционность показывает внутренний динамизм всего материального, его, не будем бояться, антропоморфизм, готовность к сотрудничеству с человеком. Если диспозиция, как было установлено, – это предрасположенность, склонность вещи, то она вполне может считаться некой субъективностью в объективном мире, аналогом субъекта в объекте. И тогда онтологическая упругость материи оказывается не инертностью или косностью, а ее избирательностью в реагировании на воздействия со стороны «духа».

Новой эту идею назвать нельзя. В философии она представлена давно, хотя и не всегда в адекватной форме. Так, марксистское учение об отражении как всеобщем свойстве материи было (остается) вообще-то правильным, но в то же время и очень грубым, до механистичности линейным. Все дело в том, что отражение есть не просто свойство материи, а ее диспозиционное (вероятностное, сослагательное) свойство. Игнорирование диспозиционности отражения тянуло за собой эпистемологический детерминизм и превращало познавательные образы в зеркально-механические копии.

² Angeles P.A. Dictionary of Philosophy. N.Y., 1981. P. 64.

Диспозиционность, как мы уже отмечали, есть не только на стороне предмета (объекта), но и на стороне человека (субъекта). Покажем это на примере формирования образа красоты – примера в общем-то не случайного: эстетизация всего и вся становится сегодня чуть ли не знаком времени. Красоты нет ни в действительности самой по себе, ни в человеке как таковом. Красота появляется только в результате их встречи. Сторона действительности в этой встрече представлена определенной мерой, гармонией, симметрией, сторона человека – особой внутренней устремленностью, настроенностью, страстным желанием совершенства. Красота – своеобразный резонанс данных сторон, их созвучие, взаимное усиление. Это фактически соприкосновение двух гармоний – мира и человека. Гармонии эти, впрочем, не равноценны, тут есть своя динамическая асинхрония и перформативная асимметрия. Сторона объекта сравнительно пассивна, ее диспозиционность не идет дальше простой predisposedности. Напротив, сторона субъекта активна и инициативна, ее диспозиционность принимает форму открытости иному, внутренней готовности, волевой решимости.

Безусловно, нужно проводить различие между природным объектом и объектом, созданным самим человеком, – культурным артефактом. В последнем, по определению, красота является намеренно воплощенной. Это определение, однако, без оговорок работает лишь там, где «искусственное» и «искусное» (лат. *arte factum* переводится как *искусственно или искусно сделанное*) совпадают. К тому же, судя по опыту искусства XX в., воплощение красоты часто не идет дальше так называемого художественного жеста, как в случае «Фаянсового писсуара» М. Дюшана или «100%. Чистого дерьма Художника» П. Манцони. Для субъект-объектной дифференциации эстетической диспозиционности их природно-артефактное разграничение не имеет особого значения. В любом случае красота воплощается в объекте в виде некоей знаковой телесности, т.е. реальности вынесенной внешней, опредмеченной, объектной.

Диспозиционность – отдельный вид детерминации, особый тип детерминизма. Здесь больше какой-то мягкости, гибкости, неоднозначности, соответственно, непредсказуемости и эволюционной открытости. Закономерен вопрос: больше – по сравнению с чем? Легко ответить: больше по сравнению прежде всего с причинно-следственными и функциональными зависимостями. В терминах каузальности, например, взаимопонимание нужно было бы трактовать в качестве результата действия такой причины, как коммуникация. Что, очевидно, было бы грубой ошибкой, уже хотя бы потому, что «взаимопонимательный» результат является здесь частью – необходимой, интегральной – самой коммуникации.

В то же время причинно-следственные, функциональные и им подобные зависимости диспозиционностью не перечеркиваются и не отменяются, они просто обволакиваются (дополняются, развиваются) различными инфраструктурно-периферийными связями и влияниями. Более того, данные зависимости составляют «твердое ядро» самой диспозиционности в ее детерминистическом понимании.

В предметно-референтном смысле роль твердого ядра в коммуникации играет то, что Хабермас называл ссылкой на какое-то обстояние дел, или соответствие действительности, в объективном мире (истинность), в социальном мире интеракций (правильность, т.е. лояльность по отношению к существующим ценностям, нормам и идеалам), и в субъективном мире (правдивость)³. Ясно, что перед нами нормативная концепция коммуникации, с необходимостью развернутая на должноствоование. Попутно заметим, что без диспозиционной поддержки со стороны сущего оно никогда не превратилось бы в норму, нормативность, не стало бы действенной силой социального преобразования. Твердое коммуникативное ядро соответствия действительности выстраивается (схватывается) рациональным образом, предстает как рациональность самой коммуникации. Эту рациональность окружают, на нее диспозиционно работает масса «нерациональных» (нечетких, размытых, неопределенных) инфраструктурных факторов или обстоятельств, таких как фоновые ожидания, практическая, действиями имплицитная логика поведения, сублимативные перспективы индивидуального и коллективного бессознательного, габитусы, или социальные стратегии, чувство игры (по П. Бурдьё), инсайты, интуитивные прозрения и т.п. Все они разнообразят, обогащают внутренними дифференциациями, сущностно нюансируют всю ситуацию детерминации. Рациональность коммуникации, а значит и всего социального, прибавляет от этого в эффективности и жизненной адекватности, кумулятивная сила ее многократно возрастает. Добавим, что мы не видим здесь противопозказаний и к тому, чтобы названные факторы и обстоятельства, как следует типизировав, включить в саму рациональность — ее широкое понимание, которое получает сегодня все большее признание в научных кругах.

Диспозиционность расширяет горизонты коммуникации, умножая и разнообразя пояса ее детерминации. Она отличается ярко выраженной целостностью, в ней органически сочетаются тенденция к захвату, вернее, процессуальному затягиванию, все новых факторов и мягкость или плавность перехода от одного пояса-уровня, в который складываются эти

³ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 203-204.

факторы, к другому. Диспозиционный детерминизм можно квалифицировать как холистский, хотя целое в нем не дано, не положено в готовом виде, а находится в постоянном становлении, наращивается, в плане методологическом – высвечивается перспективой сознательного (гипотеза) конструирования. Он полностью удовлетворяет также требованиям постмодернистской интертекстуальности: один текст (предметное поле) легко сцепляется с другим, образуя проницаемое во всех направлениях гетерогенное текстовое пространство. Правда, здесь исчезает ядро (центр, центрированность), но это уже другой, отдельный вопрос.

Диспозиционный «рост в целое» хорошо коррелируется с изменением рационального ядра коммуникации, с историческим обновлением типов рациональности, с ее движением, по В.С. Степину, от классики к неклассике и, далее, постнеклассике. Диспозитивы классического типа рациональности связаны в основном с объектами – устойчивыми, плотными, массивными, и потому, наверное, «навязывающими» себя зеркальным образом, провоцирующими на копирующее отражение. Диспозитивы неклассического типа рациональности, напротив, группируются вокруг субъекта, питаются его инфраструктурными ресурсами, среди которых особенно выделяются индивидуально-личностная пристрастность (филии, фобии) и общественно-групповая ангажированность (мифы, идеологии). Когнитивные образы неклассической рациональности подернуты рябью неопределенности и относительности, в них заметно проступают полутона и нюансы. Что до постнеклассического типа рациональности, то его диспозитивы уходят корнями в культурно-цивилизационные коды и архетипы социального. Постнеклассическая образность ориентирована, по сути, на плюрализм, разнообразие, но в то же время она очерчена полупериферийными (неклассическая рациональность) и периферийными (классическая рациональность) линиями, которые нередко выступают как барьеры – на пути все того же плюрализма и связанного с ним релятивизма. Постнеклассический тип-пояс диспозиционности пока что самый широкий, но двигаться есть куда – к горизонтам человечества в целом (в свете глобализации) и в просторы космоса (в перспективе ноосферизации).

Диспозиционный детерминизм имеет еще один интересный план – интеракционистски-эмерджентный. Факторы и силы, в него вовлекаемые, не отличаются автономным или автоматическим действием, они находятся в некоем потенциальном состоянии и переходят в актуальность только тогда, когда появляется встречное движение, когда задействована, охвачена неким внутренним возбуждением ситуация в целом. Иными словами, действие возникает и существует здесь только как составная

часть взаимодействия. Уточняем: взаимодействия диспозиционной потенциальности с актуальностью, переводящего в режим онтологической актуальности все взаимодействующие элементы. Причем продукты этого взаимодействия располагаются в относительно самостоятельном пространстве «между» (между действиями). У действий как структур появляется тем самым инфраструктура. Важен, однако, не столько этот инфраструктурный междуизм с его относительной самостоятельностью, сколько его реальное содержательное наполнение. Оно состоит теперь не только из того, что было в этих элементах до взаимодействия, но и из тех дополнительных свойств или ресурсов, которые появляются как раз в результате их, этих элементов, взаимодействия. Дополнительные свойства, ресурсы являются здесь одновременно и новыми, притом эмерджентно новыми. Их, следовательно, нельзя выделить или вытянуть из наличной ситуации, они появляются неожиданно, в результате некоего качественного скачка, перехода на иной, более высокий уровень. Иначе говоря, эмерджентно новое несет на себе печать не раскрытия, проявления или выявления, а полноценного созидания, творческого становления. Эмерджентность, по определению, не генеративна, а креативна. Она обнажает продуктивную силу самой динамики взаимодействия (коммуникативного в нашем случае). В этой продуктивности, заметим попутно, самое глубокое – метафизическое оправдание динамизма (прогресса) в жизни человека и общества.

Подведем итоги и ответим, в сжатом виде, на вопрос, востребован ли диспозиционно-коммуникативный подход в социальной теории (социальной теорией). Сегодня, как уже отмечалось, много и справедливо говорят о коммуникативном повороте в социально-гуманитарных науках. Некоторые ставят вопрос еще шире – в современной науке в целом. Обращение профессиональных взоров на коммуникацию оправдано, в конечном счете, нашей общей ситуацией, а именно тем, что мы живем в эпоху, как удачно выразился З. Бауман, «плавки твердых» (“melting the solids”), т.е. отказа от прежней (линейной, логоцентристской) рациональности, холистической тотальности, манихейской дихотомичности, монизма, традиционных лояльностей, привычных прав и обязанностей и т.п. Надежды на переход от этой деконструктивной, или разрушительной, плавки к конструктивной, или созидательной, переплавке, кроме как с коммуникацией и ее креативным потенциалом, связывать не с чем. Там, в коммуникации, все это плавится, но там же, по идее, должно что-то и выплавиться.

Разумеется, есть проблемы и с коммуникацией, и проблемы немалые. Очень трудно подчас выйти на сам контакт, начать коммуникатив-

ное взаимодействие. Ну, а начавшись, оно, это взаимодействие, нередко остается без взаимности, концентрированно выражаемой во взаимопонимании. Особенно много трудностей с коммуникацией у представителей или носителей разных культур, а в них — этничностей, конфессий, идеологий. Что-то постоянно мешает, стоит на пути, искажает перспективу эффективной и успешной коммуникации. И что дает в данной связи обращение к диспозиционности? На первый взгляд, вроде бы ничего. Диспозитивы проявляют свою детерминацию стихийно, спонтанно, оставаясь, как принято говорить, за кадром (актуально протекающих процессов). Для перехода от потенциальности к актуальности в бытии диспозитивов разрешения со стороны сознания не требуется. И все же нам представляется, что при наличии такого «разрешения» — в форме некой общей рефлексивности или сознательной установки — значительно ускоряется и полнее раскрывается все входящие в ситуацию коммуникации процессы. Хотя бы по логике отмеченного выше продуктивного резонирования (взаимодействия) двух разных действий-ресурсов. Осмысляя, поднимая на уровень сознания диспозитивы, мы укрепляем перспективу коммуникативного взаимопонимания возможностью коммуникативного экспериментирования и, далее, социального конструирования. Кроме того, диспозиционность помогает преодолеть дихотомическую субъект-объектную разорванность социального, превратить комплексность в действительную целостность.

Разумеется, многое в диспозиционно-коммуникативном подходе еще не прояснено, некоторые его элементы обозначены пока пунктиром, только намечены, но будем надеяться, что необходимые уточнения и дополнения принесет с собой процесс его дальнейшего методологического использования. На детализацию и жизненную конкретизацию общей картины социального, его отдельных сегментов и фрагментов, этот подход никаких ограничений не накладывает. Хочется также надеяться, что с помощью диспозиционно-коммуникативного подхода будет прояснен и дисциплинарный статус социальной теории.